

Сергей ШАКУРИН

**ЗА ЧТО МЫ
ПРОЛИВАЛИ
КРОВЬ...**

0+

Сергей Витальевич Шакурин

За что мы проливали кровь...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65836486

SelfPub; 2021

Аннотация

У каждого из нас дед или прадед прошел через ад войны, но, к сожалению, не каждый знает, как это было, что перенес тот или иной боец, какие подвиги он совершил.

Про одного деда я знаю лишь то, что всю войну он прошел разведчиком и это невероятно, ведь, когда разведчик шел на задание, его сразу вычеркивали из списков части, так как мало кто возвращался, а два года назад мне удалось узнать подробность о втором деде, и я сразу написал этот рассказ. Пусть другим это не интересно, но я хочу хотя бы так оставить в памяти стойкость нашего народа. И мне хотелось бы верить, что сейчас наш Великий народ не ослаб, что он еще может показать, кто такие Русские, если кто забыл об этом...

Сергей Шакурин

За что мы проливали кровь...

– Как я уже говорил, во взаимодействии с частями Воронежского фронта, мы должны уничтожить Землянскую группировку противника, а к 17 августа выйти на рубеж населённых пунктов Михайловка, Землянск и Перлёвка, – комбриг показал карандашом на карте. – В данный момент задача нашей бригады – высота 214,6.

– Усеченной бригады... – тихо, и недовольно проговорил старый подполковник.

Услышав слова комбата, третьего, уже почти не существующего, батальона, комбриг сказал:

– Федор Степаныч, благодаря твоему батальону, мы теперь можем зайти фрицам во фланг. Бойцы погибли не зря. Списки к награждению уже составлены.

Федор Степанович горько усмехнулся, зная, что не все получат награды. А должны – все!

Недавно назначенный командиром бригады полковник Гусев, обвел тяжелым взглядом присутствующих офицеров штаба и продолжил:

– Разведка доложила, что фрицы стягивают артиллерию и укрепляют позиции танками, вот здесь и здесь, – он вновь

описал изгибы направлений заточенным карандашом. – Наша задача захватить этот рубеж, поэтому выдвигаемся с трех направлений, – опять движение карандашом по плотной бумаге карты. – Выходим после артобстрела в половину пятого утра, пока туман нам в помощь...

Комбриг положил карандаш и, одернув гимнастерку, выпрямившись, приложил руку к козырьку: – Приказываю: командирам поставить боевую задачу!

Среди множества подразделений, соединений в Воронежской области на севере Семилукского района у села Перекоповка находилась и отдельная 248-ая курсантская стрелковая бригада, относившаяся к Брянскому фронту. Она также безуспешно сцепилась в смертельной схватке с немецко-фашистскими захватчиками. Август сорок второго года стоял жарким в обоих смыслах: палило нещадно солнце, и шли ежедневные ожесточенные бои.

В эти дни создавалась опасность прорыва врага. Нашим войскам необходимо было не только сковать силы противника, а заставить его постоянно укреплять свои позиции, чтобы ни одно соединение фашисты не перебросили на Сталинградское направление.

Перед общим наступлением, чтобы улучшить позиции, накануне началось движение группы генерал-майора Ротмистрова. Передислокация не привела к желаемому результату. Фашисты открыли яростный артиллерийский и миномётный огонь, снизив темп наступления, что привело к зна-

чительным потерям личного состава и техники. За этот день в отдельной курсантской стрелковой бригаде погибло сто семьдесят пять человек, а 12 августа общие потери наших войск в живой силе составили более четырех тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Как выжить в таком Аду: в безумие ежедневных сражений, агонии смерти и ужаса? Что здесь лукавить? Боялись, боялись все, но... Надо отстоять Отчизну! Надо уничтожить фрицев, отомстить за всех! За родных и близких! За товарищей, с кем делили миску каши и папиросу, которые гибли ежедневно сотнями, оставаясь на поле брани! Нас нельзя сломить, мы – Русские! Мы – Великая держава! И мы будем стоять до последнего! Лишь бы сил хватило...

В ушах стоял непрекращающийся шум боя: стрельба многих сотен орудий и оружия, разрывов снарядов и мин, сыпавшихся на головы, а под ногами тянулось минное поле, которым фрицы огородили свои позиции. Перед глазами всё ползли наши танки, жестоко сцепляясь с противником в такой же несокрушимой бронированной мощи и такой ужасной в момент ее смерти. Живые факелы выбирались из люков подбитых танков, и обезумевшие человеческие крики обрывались при падении на измученную Русскую землю. Небо полыхало воздушным противостоянием, иногда помогая артиллерии навечно успокоить опасные для пехоты дзоты. Дзоты... Если бы не минометные обстрелы с нашей стороны и точные артудары, то... Лучше об этом не думать.

Страшно...

Георгий закрыл глаза, стараясь и мыслью не касаться завтрашнего наступления.

– Почта!

Зычный голос вырвал Георгия из страшных дум. Он вскопчил и рванул к прибывшей и такой долгожданной на фронте военно-полевой почте. Столпившиеся солдаты выкрикивали:

– Капустину что-нибудь есть?!

– А Валуйко? Валуйко, хоть маленькую весточку!

Письма с фронта бесценны. Они показывают войну изнутри. Именно из личных войн отдельного солдата формировалась война целого народа. Каждый солдат воевал ради своих родных. Боязнь за семью помогала преодолеть все ужасы сражений, а письма из дома наполняли силой и верой в победу!

Когда Георгий услышал свою фамилию, его лик осветлел.

– Что-то подозрительно широкая у тебя улыбка перед завтрашним боем, Гоша, – подошел к сидевшему в стороне ото всех бойцу, Василий.

Георгий обернулся на голос друга, с которым сдружился с первых дней в бригаде.

– Вась, у меня дочь родилась! – задыхаясь от счастья, выпалил Георгий.

Он был на фронте всего полгода. Когда уходил, не знал, дождется радостного известия или ляжет на поле боя, так и

не получив его.

– Поздравляю! – радостно сжал руку, а после, и самого молодого отца, Василий.

– Раздавишь, чертяка! – продолжал широко улыбаться Георгий.

– Эй! Вы слышали?! У Зубарева дочь родилась! – прогорланил Василий.

Походная палатка взорвалась криками радости за брата по оружию, отодвигая на задний план напряжение перед утренним наступлением.

Капитан Скворцов был строгим командиром, но услышанные возгласы радости ему были знакомы. Сегодня пятеро его бойцов получили письма из дома. Ротный вошел в палатку. Дневальный выкрикнул: «Смирно!»

– «Вольно»! – отмахнулся командир роты.

Гомон сразу утих, и бойцы встали по стойке «смирно», хотя дневальный продублировал команду «вольно».

– Что за балаган перед утренним наступлением? – хмурясь, спросил Скворцов.

– Товарищ капитан, у Зубарева... – начал заступаться за всех, ефрейтор Василий Клочков.

Ротный оборвал Клочкова жестом и строго посмотрел на рядового Зубарева. Капитан Скворцов обладал феноменальной памятью. Он знал каждого бойца своей роты по имени отчеству, откуда тот родом и его дату рождения.

– Георгий Алексеич, мне слышалось, что вести из дома

принесли вам дочь? – спросил капитан.

– Так точно, товарищ командир! – радостно выпятил грудь вперед, выполняя строевую стойку, рядовой Зубарев.

– Дочь – это самая тонкая работа родителя! – вдруг улыбнулся ротный и протянул раскрытую ладонь для рукопожатия, – Я тебя поздравляю, Георгий!

Поздравив Георгия, командир роты обернулся и крикнул:

– Завхоз!

– Я, командир!

– Выделить пятьдесят грамм за новую жизнь!

– Есть! – ответил завхоз под одобрительный гвалт бойцов.

Ротный повернулся к Зубареву и строго произнес:

– Георгий, приказываю тебе выжить в завтрашнем бою ради своей семьи!

– Есть, командир!

Звон в ушах после взрыва, заставил потрясти головой, с которой тут же посыпались комья земли. Пилотки нигде не было видно. Высоко не приподнимаясь, Георгий осмотрелся. Он видел, как от попаданий пуль, деревья брызгали изувеченной древесиной. Пересохшая земля взрывалась комьями. Шум боя начал проступать сквозь пелену легкой контузии, заполняя все пространство. Подняв выпавшую из рук трехлинейку, Георгий пополз к ближайшему окопу. Именно туда одна из санитарок сейчас волокла раненого.

– Держать позиции!

Доносился приглушенный шумом боя голос взводного.

Георгий стрелял, не целясь, настолько плотным казался строй наступавших фрицев. Если не удержат захваченный утром рубеж, то все потери были напрасными. Георгий сбился со счета, сколько раз за сегодняшний день они ходили в атаку и отступали, но рубеж все равно оставался за ними.

Рядом, на дне окопа, в приступе боли кричал боец. Совсем юная санитарка со слезами на глазах прижимала его к земле. С шепотом успокоения она пыталась забинтовать раненому перебитую правую руку.

За грохотом бой не было слышно криков призыва. Как капитан Скворцов с пистолетом в руке выбрался из окопа и, что-то прокричав, устремился вперед, Георгий увидел краем глаза. Он сам уже мчался в атаку.

Прорываясь сквозь облако пыли, Георгий заметил бегущего справа и впереди друга Васю Клочкова. Вдруг тот дернулся назад, будто с чем-то столкнулся, и красный бисер крови рассыпался веером. Георгий не увидел, как его друг падает замертво, разрыв ручной гранаты бросил самого на истерзанную землю.

– Надо отступить! – прорвался чей-то голос сквозь туманную завесу полузабытья.

Георгий открыл глаза и увидел знакомое зарёванное и грязное лицо санитарки.

«Кажется, Зиной зовут... Да, Туснолобова Зина...» – отстраненно подумал он.

Санитарка заматывала ему левую ногу. На голове Георгию, что-то мешало, закрывая левый глаз. Он попытался убрать.

– Что ты делаешь?! – испуганно вскрикнула Зина. – Нет-нет, миленький, не трогай повязку!

– Что с моим глазом? – охрипшим голосом спросил Георгий.

Зина вновь заплакала, продолжая завязывать грязную, окровавленную повязку на ноге.

– Сейчас я тебя вытащу отсюда, родимый! – рыдала она. – Надо уходить!

В памяти неожиданно всплыл момент смерти друга, а также многих бойцов из роты. Причуда сознания заменила видение плотных рядов фашистов на образ его молодой жены с дочерью на руках.

«Не-ет! Никуда отходить нельзя! Нельзя допустить фрицев до моей семьи!»

– Ты куда?! – испугалась санитарка, когда Георгий внезапно поднялся, морщась от боли, и ища уцелевшим глазом оружие.

Чья-то винтовка валялась на дне окопа.

– Дай! – потребовал Георгий, жестко глянув на Зину, обрывая ее стремление задержать. – Нельзя их пропустить! Понимаешь?! Надо гнать тварей с нашей земли!

Она понимала его. Подняв оружие, отдала, а после, помогла выбраться из окопа. Зина еще какое-то время смотрела,

как раненный боец, хромая, идет вперед, после чего устремилась на помощь другим.

Получив тяжёлое ранение, Георгий Зубарев не оставил поля боя, а продолжал со всеми отражать атаки врага.

Стоя у окна второго этажа госпиталя, Георгий смотрел на облетевшие деревья, раз за разом возвращаясь в тот далекий день. Он грустно улыбнулся, вспомнив слова ротного.

– Я выполнил приказ, командир. Остался живым в том бою, – тихо сказал Георгий, тяжело вздохнув.

«Они выстоят! Они выгонят вóрога с родной земли, не отдадут свои семьи им на растерзание! Лишь бы потомки это не забыли. Лишь бы ценили то, за что мы проливали кровь...»

Я до сих пор храню наградной лист своего деда на Медаль «За отвагу», где стоит штамп и о награждении его Орденом Славы 3 степени, но ни Медаль, ни Орден дед так и не получил. Видимо, эти награды осели на кителях штабистов, как это нередко бывает в нашей армии. Говорю это уверенно, так как сам прошел через такое, выбрав профессию военного.

19.09.2019